

ИСТОРИЯ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЛУКРЕЦИИ: МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ, ПРАВОМ И РИТУАЛОМ

В римской исторической традиции Лукреция представлена среди главных героев свержения династии Тарквиниев и ликвидации монархии в Риме. Жена царского племянника Тарквиния Коллатина покончила жизнь самоубийством, после того как сын царя Секст совершил над ней насилие¹. В литературе и изобразительном искусстве она навечно осталась символом человеческой доблести, не покоренной тиранией. Во многих версиях и римейках этой истории Лукреция символизирует Рим (или, шире, Родину), а насильник Секст Тарквиний – образ тирана (или врага)².

В науке нет единства мнений о подлинности этой истории. Этторе Пайс видел в ней легенду, имевшую отношение к религиозным культам Ардеи и принесенную в Рим только во второй половине IV в. до н.э.³ Андреас Альфёльди считал ее полностью вымышленной, введенной в III в. до н.э. для того, чтобы скрыть тот неприятный для римлян факт, что последний римский царь был изгнан этрусском Порсенной, а не в результате народного восстания⁴. Другие историки склоняются к тому мнению, что если сама героиня и была вымышленной, то какое-то историческое ядро в событиях 509 г. до н.э. все же имеется⁵. Поскольку нет ясности в происхождении этой истории, то многие предпочитают видеть в ней опозитивированную и романтизированную реальность.

У других исследователей драматизм рассказа Ливия вызывает ассоциацию с наличием театрального источника⁶. Многие черты, выделенные Харальдом Гелднером, характеризуют историю Лукреции как составную часть римского литературного процесса⁷. В античной литературе она являла собой скорее некий архетипный образец женской

¹ Основные источники: Liv. I.57–59; Dion. Hal. AR. IV.64–67; Diod. Sic. X.20.1–21.5; Ovid. *Fasti*. II.721–844; Cic. *Fin.* II.66, V.64; *Rep.* II.46; *Leg.* II.10; Val. Max. VI.1.1; Plut. *Poplic.* 1.3–5, 12.5; Flor. *Epit.* I.2–3; Dio Cass. II.13–20. Подробнее см.: Geldner H. *Lucretia und Verginia: Studien zur virtus der Frau in der griechischen und römischen Literatur*. Mainz, 1977. S. 85–127.

² См.: Geldner H. *Op. cit.* S. 29–30; Donaldson I. *The Rapes of Lucretia. A Myth and its Transformation*. Oxf., 1982; Pouthier P. *Autour de la mort de Lucrèce: la constitution à Rome d'un thème national // L'Antiquité classique. D'Hippocrate à Alcuin*. Limoges, 1997. P. 101–111; Matthes M.M. *The Rape of Lucretia and the Founding of Republics: Readings in Livy, Machiavelli, and Rousseau*. Pennsylvania, 2001.

³ Pais E. *Ancient Legends of Roman History*. Trad. M.E. Cosenza. L., 1906. P. 185–203.

⁴ Alföldi A. *Early Rome and the Latins*. Ann Arbor, 1965. P. 72–84.

⁵ Münzer F. *Lucretia // RE*. 1927. Bd. 13. Sp. 1695; *Appleton Ch.* *Trois épisodes de l'histoire ancienne de Rome: les Sabines, Lucrece, Virginie // RHDfE*. 4e ser. 1924. Vol. 3. P. 669–670; Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy. Books 1–5*. Oxf., 1965. P. 218–229; Cornell T.J. *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C.)*. London; New York, 1995. P. 215–218.

⁶ См.: Heurgon J. *Tite-Live et les Tarquins // L'Information Littéraire*. 1955. Vol. 7. P. 56–64; Donaldson I. *Op. cit.* P. 6–7.

⁷ Geldner H. *Op. cit.* S. 13–24.

чистоты и доблести, героиню элегической поэзии, нежели исторический персонаж⁸.

Родство мужа Лукреции с ее насильником приводит на память древний мифологический сюжет взаимоотношений двух мужчин и женщины. В Восточном Средиземноморье это история про двух братьев, у одного из которых была коварная жена. Греческая версия этого сюжета, – история Иосифа и жены фараона Потифара, – вероятно, восходит к древнеегипетской «Сказке о двух братьев», которая в свою очередь производна от мифа о богах Анубисе и Бата⁹. С точки зрения греческого варианта истории о двух братьях и похотливой жене одного из них, рассказ о Лукреции представляется как конфликт двух двоюродных братьев, Тарквиния Коллатина и Секста Тарквиния, по поводу жены первого из них¹⁰. По мнению Джоселин Смолл, в этрусской версии этого сюжета, которую исследовательница прочитывает в изображениях на трех погребальных урнах I в. до н.э., Лукреция не выглядела ни жертвой, ни образцом доблести, но скорее женщиной, которую соблазнил Секст Тарквиний, и которая покончила с собой, когда ее бросил любовник¹¹. Возможно даже, что, будучи старше своего возлюбленного, Лукреция была вовсе не совращенной невинной жертвой, а соблазнительницей, которая жаждала обладать красивым молодым человеком. Такой образ, примерами которого могут быть Федра, Сфенебея или Дидона, был достаточно распространен в античной литературе. При сравнении история римских Тарквиниев является своеобразной проекцией легендарной семьи Атридов¹². Мать Агамемнона и Менелая, Аэропа изменила мужу Атрею с его братом Фиестом, за что Атрей бросил ее в море.

С другой стороны, история Лукреции является частью рассказа об изгнании Тарквиниев из Рима, что делает ее похожей на историю о тирани-насильнике, распространенную в греческой литературе¹³. В образе

⁸ См.: *Voisin J.-L.* Deux archétypes de la mort volontaire: Lucrece et Horatius Cocles? // *La Rome des premiers siècles: légende et histoire. Actes de la Table Ronde en l'honneur de Massimo Pallotino* (Paris 3–4 Mai 1990). Firenze, 1992. P. 257–266. *Fox M.* Roman Historical Myths, The Regal Period in Augustan Literature. Oxf., 1996. P. 210–217.

⁹ См.: *Hart G.* Egyptian Myths. L., 1990. P. 75–78. Другой египетский миф рассказывает о двух божественных братьях, Осирисе и Сете, и жене Осириса Исиде, в этом сюжете особую роль играл их сын Хор. См.: *Griffiths J.G.* The Conflict of Horus and Seth. A Study in Ancient Mythology from Egyptian and Classical Sources. Liverpool, 1960.

¹⁰ Несколько подобных историй, в которых представлена триада, состоящая из двух братьев и женщины, вплетены в историю римской монархии. Это история двух сыновей альбанского царя Проки, Нумитора и Амулия. Дочь Нумитора Рея Сильвия, подвергшись насилию бога Марса, родила Ромула и Рема, отомстивших Амулию за изгнание деда. Уже в античности высказывалось предположение, что насильником был не Марс, а Амулий, который скрывался под маской бога (*Origo gent. Rom.* 19.5). Другая история рассказывает о братьях Лукумоне и Аррунте, сыновьях Демарата, переселившегося в Этрурию из Коринфа. Аррунт умер раньше своего отца, оставив жену с ребенком. Демарат же, не зная о родившемся у невестки внуке, не включил его в свое завещание, оставив все наследство Лукумону. Лукумон женился на Танаквиль, которая затем сделала его римским царем. Вариантом этой истории можно считать рассказ о братьях Луции и Аррунте, сыновьях Тарквиния Древнего. Женщиной здесь выступает царская дочь Туллия, чьим первым мужем был Аррунт, а вторым – Луций. Первому брак с этой женщиной принес гибель, а второму – царский титул.

¹¹ *Small J.P.* The Death of Lucretia // *AJA.* 1976. Vol. 80. P. 349–360.

¹² *Briquel D.* Tarquins de Rome et idéologie indo-européenne (II). Les vicissitudes d'une dynastie // *RHR.* 1998. Vol. 215. P. 435–450: "Familie des Tarquins et familie des Atrides".

¹³ *Soltau W.* Die Anfänge der römischen Geschichtsschreibung. Leipzig, 1909. S. 95–96.

Тарквиния Гордого нашло отражение стереотипное античное представление о тиране¹⁴. Геродот (III.80) вкладывает в уста перса Отаны определение трех главных отрицательных черт тирана – он нарушает отеческие обычаи и законы, казнит людей без суда и насилует женщин¹⁵. Плутарх (*Mul. virt.* 20, 22, 24, 26) передает серию историй о греческих женщинах, подвергшихся насилию, которые отомстили своему насильнику¹⁶. У Павсания (VIII.47.6) мы узнаем о неизвестной девушке, подвергшейся насилию тирана Орхомена и покончившей с собой от стыда и позора. Другая история (II.20.2) рассказывает об аргосском военачальнике Брианте, обесчестившем девушку и отмщенным как ею самой, так и поднявшимся на ее защиту народом¹⁷. Недавно Кэрол Ньюландс рассмотрела историю Лукреции как аллюзию на греческий миф о Прокне, Филомеле и Терее¹⁸. Поэтому, кажется, логичной выглядит идея, развитая Аттилио Мastrocinque, что самоубийство Лукреции было воспето поэтом Акцием (последняя треть II в. до н.э.) в трагедии «Брут», написанной по сюжету «Электры» Еврипида¹⁹. У последнего Акций заимствовал мотив мести тирану, к которой Лукреция призывает родных своей смертью.

Данная статья имеет целью проследить превращение истории Лукреции из литературного сюжета в псевдоисторический рассказ о падении древней римской монархии. При этом постулируется, что наличие в ней специфически римских деталей производно от ритуальной практики и ее осмысления римскими историками от Акция до Ливия.

1. Греческие аналогии в истории римских Тарквиниев

Историческая же традиция о низвержении Тарквиниев обнаруживает большое сходство с одновременными событиями в Афинах, на что обращал внимание уже Авл Геллий (XVII.21.6–7). В Риме и в Афинах в одно и то же время произошли революции, приведшие к смене конституционного строя. В Афинах была низвержена семья тиранов Писистратидов, один из сыновей Писистрата был убит, а другой изгнан, после чего последовали реформы Клисфена, введившие демократическое правление. В то же самое время в Риме осуществляется изгнание цар-

¹⁴ См.: *Dunkle J.R.* The Greek Tyrant and Roman Political Invective of the Late Republic // *TAPhA.* 1967. Vol. 98. P. 151–171; *idem.* The Rhetorical Tyrant in Roman Historiography: Sallust, Livy, and Tacitus // *CW.* 1971. Vol. 65. P. 12–20.

¹⁵ Насилие над женщинами в качестве причины эпохальных перемен – распространенный сюжет древней литературы, восходящий, видимо, к мифологии. У Геродота (VI.136–138) насилие пеласгов над афинскими девами стало причиной их изгнания из Аттики. У Ливия (I.9.6–16) похищение сабинских девушек римлянами Ромула стало причиной войны, а затем объединения двух народов.

¹⁶ Подробнее см.: *Poucet J.* Les Rois de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles, 2000. P. 274–278.

¹⁷ Плутарх в биографии Кимона (6) рассказывает о насилии спартанского царя Павсания над знатной девушкой по имени Клеоника, родом из Византия, которое связывали с гибелью самого царя.

¹⁸ *Newlands C.E.* Playing with Time. Ovid and the Fasti. Ithaca; London, 1995. P. 146–174.

¹⁹ *Mastrocinque A.* La cacciata di Tarquinio il Superbo. Tradizione e letteratura Greca // *Athenaeum.* 1983. Vol. 61. P. 457–480; 1984. Vol. 62. P. 210–229; *idem.* Lucio Giunio Bruto. Recherche di storia, religione e diritto sulle origine della repubblica romana. Este, 1988. P. 21–35. Ср.: *Fauth W.* Der Traum des Tarquinius. Spuren einer etruskisch-mediterranen Widder-Sonnen Symbolik bei Accius (Fr. 212 D.) // *Latomus.* 1977. Vol. 36. P. 469–503.

ской семьи Тарквиниев, последний представитель которой правил тиранически. За этим последовало основание республиканского правления, которое осуществлял первый консул Луций Юний Брут, действовавший в интересах народа. Падение Писистратидов имело поводом сексуальное преступление – попытку насилия Гиппарха, одного из сыновей тирана, над Гармодием, возлюбленным афинянина Аристоклитона. Сходным образом, и поводом к изгнанию Тарквиниев послужила попытка царского сына Секста Тарквиния склонить к измене мужу добродетельную Лукрецию. Оба разгневанных поведением тирана афинянина, Гармодий и Аристоклитон, выступили против Писистратидов еще и потому, что после неудачной попытки соблазнить Гармодия Гиппарх причинил обиду его сестре (Thuc. VI.54–59). Вследствие этого заговора Гиппарх был убит, но тирания просуществовала еще четыре года. Лишь деятельность Клисфена оказалась успешной, и после изгнания Гиппия, с 508 г. до н.э., началась эра афинской демократии²⁰.

Роберт Огилви отметил, что одним из ее первых актов были проскрипции против членов семьи тиранов²¹. Клисфен ввел остракизм, который в первую очередь был направлен против тиранов и первое использование которого коснулось одного из кузенов Писистратидов – Гиппарха, сына Харма. Об этом использовании остракизма рассказывает Аристотель (*Athen. pol.* 22.4): «И первым подвергся остракизму один из его родственников, Гиппарх, сын Харма из Коллита, которого главным образом и имел в виду Клисфен, издавая этот закон, так как хотел его изгнать. Надо сказать, что афиняне со свойственной народу снисходительностью позволяли тем из сторонников тиранов, которые не принимали участия в их преступлениях во время смут, проживать в городе. Вот их-то вождем и простатом был Гиппарх» (перев. С.А. Жебелева).

Фактически невиновный политик был послан в изгнание просто из-за нелюбви к его семейным связям с изгнанными тиранами и потому, что имя Гиппарха вызывало неприятные ассоциации с убитым тираном. Точно также в Риме Луций Тарквиний Коллатин был изгнан по предложению Брута, так как его имя ассоциировалось с именем изгнанного царя, Луция Тарквиния Гордого, племянником которого он был. И это соответствие римского сюжета афинскому не просто совпадение; этот несчастный Коллатин происходил из города Коллатии (*Collatia*), а родным демом Гиппарха, сына Харма, был Колит (*Κολυτός*). Очевидно, что римская история была сконструирована по афинской модели, в сюжете которой уже имелось готовое место для Лукреции (обиженные Гармодий и его сестра)²².

Сам же рассказ о Лукреции обнаруживает аналогии с другим греческим источником. Известно, что римские анналисты заимствовали сюжетную основу многих рассказов о царствовании Тарквиниев у Геро-

²⁰ В успехе Клисфена (Hdt. V.63, 66) как и Брута (Liv. I.56) определенную роль сыграл дельфийский оракул. Разница лишь в том, что Клисфен был связан с Дельфами как Алкмеонид в изгнании, а рассказ о поездке туда Брута вряд ли достоверен.

²¹ Ogilvie R.M. Op. cit. P. 238–239.

²² Подобным образом история нападения царя Порсенны на Рим может рассматриваться в качестве реплики с походов царей Дария и Ксеркса против Афин. Как целью Порсенны было возвращение Тарквиниев на римский трон, так и провозглашавшейся целью экспедиции Дария было восстановление Гиппия в качестве тирана Афин, а Ксеркс предполагал вернуть Демарата на царство в Спарте, откуда последний был изгнан.

дота. Так, роль Секста Тарквиния при взятии римлянами Габий (Liv. I.53.4–54.10; Ovid. *Fasti*. II.689 sqq.) подобна роли полководца Зопира при захвате Дарием Вавилона (Hdt. III.153 sqq.); а мудрый совет отца Секста, римского царя Тарквиния Гордого (Liv. I.54.5–8; Ovid. *Fasti*. II.701–706), повторяет совет тирана Милета Фрасибула коринфскому тирану Периандру (Hdt. III.154–158; V.92).

Ливий (I.34.8) и Дионисий Галиканасский (AR. III.47.3) передают рассказ о приезде в Рим этрусского Лукумона, который потом стал царем под именем Тарквиния. По пути ехавшие на повозке Лукумон и его жена Танаквиль оказались участниками странного события. Парящий в небе орел неожиданно спикировал и сорвал с головы Лукумона его головной убор. Поднявшись высоко в небо, орел не менее неожиданно возвращается обратно к путникам и водружает головной убор обратно на голову обескураженного Лукумона. Танаквиль, будучи сведущей в этруском авгуральном искусстве, истолковала случившееся в том смысле, что небесные боги обещали Лукумону высокое положение на новой родине и царскую власть в Риме. Этот рассказ сходен с историей анатолийского крестьянина Гордия, сын которого Мидас стал царем Фригии. Эту историю рассказывает Арриан (*Anab.* II.3.1–6, перев. М.Е. Сергеев): «Александр вошел в Гордий и поднялся в кремль, где находился дворец Гордия и его сына Мидаса. Ему очень захотелось посмотреть тут повозку Гордия и узел на ярме этой повозки. Об этой повозке местные жители рассказывают знаменитую историю: в древности жил во Фригии бедняк Гордий; был у него клочок земли и пара волов: на одном он пахал, на другом занимался извозом. Однажды, когда он пахал, к нему на ярмо сел орел и сидел, пока он не распряг вола. Перепуганный Гордий пошел рассказать о божественном знаменнии телмесским прорицателям. Телмесцы умеют истолковывать божественные знаменния, и дар прорицания наследуют у них в роду мужчины, женщины и дети. Подходя к какой-то деревне в телмесском округе, он встретил девушку, черпавшую воду, и рассказал ей про свой случай с орлом. Девушка эта была сама из рода прорицателей; она велела ему, вернувшись на то самое место, принести жертву Зевсу-Царю. Гордий же попросил ее пойти вместе с ним и объяснить, как приносить жертву. Он совершил ее так, как она ему указала: сочетался с девушкой браком, и у них родился сын Мидас. Когда этот Мидас был уже красивым, храбрым мужем, во Фригии разразилась междоусобица, от которой страдали все. Получено было предсказание, что к ним на повозке приедет царь, который и прекратит междоусобицу. Пока они еще рассуждали об этом, в народном собрании появился и стал с повозкой Мидас вместе с отцом и матерью. Тут, соображаясь с предсказанием, признали в Мидасе того, о котором божество изрекло, что он приедет на повозке. Мидаса поставили царем. Мидас прекратил междоусобицу, а отцовскую повозку поставил в кремле, как благодарственное подношение Зевсу-Царю за ниспосланного орла. Об этой повозке рассказывают вот еще что; тому, кто развяжет узел на ее ярме, предсказано владеть Азией».

В этой истории право Гордия на царскую власть в Фригии переписано на его сына Мидаса. И тот, и другой являются в столицу сидя на повозке вместе со жрицей (одному она мать, а другому жена), а, согласно прорицанию, власть царя-примирителя получит тот, кто приедет на по-

возке вместе с ней. Вступив в брак с Гордием, девушка-жрица именно его отметила как божественного избранника. На это же указывает и орел, севший на ярмо его волов, и тот факт, что столицу Фригии называли его именем – Гордий, и то, что именно его повозка была посвящена в храм как символ царской власти.

Лукумон-Тарквиний прибыл в Рим в сопровождении своей способной к прорицанию жены Танаквиль, точно так же, как Гордий приехал в столицу Фригии вместе с женой-жрицей. Обе пары сидели на повозке, которая в фригийской легенде оказывается символом царской власти²³. Тот факт, что Александр Македонский и его спутники видели в храме эту повозку, хранимую как священный объект, указывает на то, что у этой легенды была какая-то ритуальная основа и повозка действительно играла роль символа царской власти. Сходство же фригийской и римской историй позволяет предполагать, что и в Риме дело обстояло таким же образом – определенный вид колесниц был предназначен только для священных особ²⁴. Женщина играла важную роль в этой мифологической сцене, она разгадывает предзнаменование и тем самым приносит царский титул своему спутнику²⁵. Во фригийской истории Гордий получил то же прорицание, что и этрусский Лукумон, и также оказался женатым на жрице-прорицательнице, как и Лукумон на Танаквиль. Возможно, брак с девушкой-жрицей (с Танаквиль в римской истории) был связан с получением царского титула²⁶. Согласно традиции, Сервий Туллий приобрел царский титул после своей женитьбы на царской дочери Тарквинии, его зять Тарквиний Гордый смог стать царем, только женившись на его дочери Туллии. Холлеман полагает, что в клане Тарквиниев было нечто вроде обычая или даже права для женщины сделать своего мужа царем (*muliebri dono* – Liv. I.47.10)²⁷. Скорее, однако, как основание, так и функционирование этрусской династии Тарквиниев в Риме было смоделировано на основе греческой мифологии.

Греческий прототип встречается также и в истории смещения Тарквиниев. Исследователи обратили внимание на сходство между римской триадой (Коллатин, его жена Лукреция и Секст Тарквиний) и ли-

²³ Ср.: *Borghini A.* La «scena del carro» e la donna divina: Giordio, Pisitrato e Tarquinio Prisco // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 12. 1984. P. 61–115.

²⁴ В республиканское время использование повозки в городе было привилегией, предоставлявшейся исключительно *flamines maiores, rex sacrorum*, и жрицам Весты, которых Т. Моммзен считал республиканской заменой царских дочерей. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 54. Также см.: *Rose H.J.* De Virginibus Vestalibus // *Mnemosyne*. 1926. 2nd ser. Vol. 54. P. 440–448; *idem.* Iterum de Virginibus Vestalibus // *Mnemosyne*. 1928. 2nd ser. Vol. 56. P. 79–80; *Reidinger.* Vestales // *RE*. 1958. Bd. 8. Sp. 1732–1753; *Hommel H.* Vesta und die frühromische Religion // *ANRW*. 1972. I.2. S. 397–420; *Beard M.* The Sexual Status of Vestal Virgins // *JRS*. 1980. Vol. 70. P. 12–27; *Martin P.M.* L' idée de royauté à Rome. De la Rome royale au consensus républicain. Clermont-Ferrand, 1982. P. 100–110.

²⁵ Туллия Свирепая переехала тело своего убитого отца Сервия Туллия, сидя на колеснице, и фактически этим обеспечила своему мужу Тарквинию царскую власть. См.: *Gagé J.* La mort de Servius Tullius et le char de Tullia // *RBPh*. 1963. Vol. 41. P. 25–62 = *Gagé J.* Enquêtes sur les structures sociales et religieuses de la Rome primitive. Bruxelles, 1977. P. 36–68; *Bellandi F.* Scelus Tulliae. Storiografia e tipologia tragica in Dionigi, Livio, Ovidio // *PP*. 1976. Vol. 31. P. 148–168.

²⁶ *Martin P.-M.* Tanaquil, la «faiseuse» de rois // *Latomus*. 1985. Vol. 44. P. 5–15.

²⁷ *Holleman A.W.J.* Lucretia und die Inschriften von Pyrgi // *Latomus*. 1981. Vol. 40. P. 38.

дийской триадой (Кандавл, его жена и Гигес), описанной Геродотом²⁸. Поведение Коллатина, который принял предложение Секста Тарквиния проверить верность их жен в отсутствие мужей, напоминает похвалу Кандавла красотой его жены, которую он позволил увидеть Гигесу без одежды. Оба случая «тестирования», которому подверглись жены, закончились трагически для их участников. Вернер Шуберт подробно рассмотрел сходство сюжета и деталей обеих версий²⁹. Жена Кандавла, посчитав совершенное мужчинами оскорблением, предложила Гигесу выбор между позорной смертью и царским тронem. Точно такой же выбор поставил перед Лукрецией проникший к ней ночью Секст Тарквиний – или быть убитой вместе с каким-либо рабом и тем быть опозоренной (не имея возможности оправдаться), или уступить царскому сыну и затем, когда он унаследует трон, стать царицей. Смерть Кандавла открыла Гигесу путь к браку с его женой и к получению царского трона. Судьба Лукреции была иной, но ее смерть также привела к прекращению прежней династии и передала власть тому, кто отомстил за честь женщины.

Аналогичные истории в греческой литературе приводят исследователей к заключению, что причиной самоубийства Лукреции стало ее желание подвигнуть родственников отомстить Тарквиниям за поруганную честь³⁰. Аристотель (*Pol.* 1311a-b) указывал, что немало тиранов было свергнуто и рассталось с жизнью от руки мстителей за нанесенное оскорбление.

2. История Лукреции в эпоху Августа

В изложении Ливия (I.57–58) и Дионисия Галикарнасского (*AR.* IV.64–67) рассказ о Лукреции различается деталями, которые помогают понять характер формирования исторической традиции. Дионисий, пересказывая историю, опускает первую встречу Секста с Лукрецией. В его изложении Секст Тарквиний случайно остановился в доме отсутствовавшего Коллатина, будучи послан отцом по делам из Ардеи в Коллацию. Оказавшись под одной крышей с Лукрецией, которая и раньше нравилась ему, царский сын принудил ее ему отдаться. Наутро он вернулся в военный лагерь, а Лукреция в черных одеждах и с приготовленным кинжалом отправляется в дом отца в Рим. Потребовав созвать как можно больше друзей и родственников, она рассказывает им о случившемся и вонзает клинок себе в сердце. Рассказ Дионисия прост и безыскусен. Царский сын опозорил жену своего кузена, она покончила с собой, призывая своей смертью родственников отомстить семье насильника.

Дионисий, со ссылкой на Фабия, рассказывает о происхождении Коллатина. Можно понять, что Коллатин был важной частью первоначальной истории. Приводимую здесь же биографию Брута Дионисий пересказывает отдельно и только потому, что современные ему римляне

²⁸ См.: *Braun M.* Griechischer Roman und hellenistische Geschichtsschreibung. Frankfurt am Main, 1934. S. 57–58; *Geldner H.* Op. cit. S. 10, 28–29; *Mastrocinque A.* Lucio Giunio Bruto. P. 32–35; *Schubert W.* Herodot, Livius und die Gestalt des Collatinus in der Lucretia-Geschichte // *RhM.* 1991. Bd. 134. P. 80–95.

²⁹ *Schubert W.* Op. cit. P. 80–95.

³⁰ *Appleton Ch.* Op. cit. P. 193–271; 592–670.

особенно чтит Брута как основателя республики. Не следует ли думать, что к истории Лукреции у Фабия Брут имел косвенное отношение?

Рассказ Ливия более красочен. Скучающие во время осады Ардеи царские сыновья и их сверстники из знатных римских семей затеяли спор о верности своих жен. Спор перешел в нешуточное соперничество, и возникло решение проверить, чем занимаются жены и чья жена ведет себя более достойно в отсутствие мужа. Вскочив на коней, молодые люди поскакали к Риму и обнаружили, что царские невестки проводят время в пирах и забавах, и только целомудренная Лукреция пряла шерсть у окна, поджидая мужа, как и положено было делать настоящей римской матроне³¹. Так Лукреция выиграла это импровизированное «соревнование жен», устроенное их мужьями. Воспылав к ней страстью, Секст Тарквиний тайком пробирается в Коллацию и прибывает в дом Коллатина, который в то время с остальными сверстниками осаждает Ардею. Ночью он является к Лукреции и угрозами принуждает ее удовлетворить его страсть. Наутро Лукреция зовет к себе из Рима отца и из Ардеи мужа, которые прибывают с немногими друзьями, рассказывает им о случившемся и закалывает себя кинжалом. Ту же историю повторяет и Овидий (Ovid. *Fasti*. II.721–834) с той лишь разницей, что спор о женском достоинстве у него велся непосредственно между Секстом Тарквинием и Коллатином³².

Вставка, отличающая версию Ливия и Овидия от рассказа Дионисия, полностью сконструирована из таких стереотипным компонентом как усталость от длинной осады, скука молодежи из-за безделья, женская тема в разговорах мужской компании, изобретенное соревнование как выражение агонального духа, свобода этрусских женщин в развлечениях, в отличие от патриархальной модели поведения римской матроны. Идея «состязания жен», эллинистическая по духу, неоднократно встречалась в литературе (например, суд Париса или состязание в красоте на Лесбосе)³³. Лукреция выиграла соревнование в соответствии с правилами игры, которые были определены мужчинами – она доказала, что является самой целомудренной из всех женщин или, другими словами, самой обычной из них. Правила явно вдохновлялись брачной политикой Августа. Когда мы видим, что ординарная матрона Лукреция пробудила страстное желание Секста Тарквиния, кажется очевидным, что Ливий и Овидий стремились подкрепить идеал, на который ориентировало общество законодательство Августа.

³¹ Жак Эргон полагал, что контраст между царскими невестками и Лукрецией отражал плохо понятое римскими историками эхо реального различия в положении женщины в этруском и римском обществе. См.: *Neurgon J. L'Expression muliebris audacia chez Tite-Live I.46.6, Resume // REL. 1960. Vol. 38. P. 38–41.* М. Фокс уточняет, что Ливий сохранил это различие, чтобы подчеркнуть тот факт, что Лукреция была римской, а не этрусской женщиной (ср.: *Dion. Hal. AR. IV.64.4*). См.: *Fox M. Op. cit. P. 132.* О разном изображении римских и этрусских женщин в античной литературе, см.: *Bonfante Warren L. The Women of Etruria // Women in the Ancient World. Ed. by J. Peradotto and J.P. Sullivan. N. Y., 1984. P. 229–240; Hall J.F. Livy's Tanaquil and the Image of Assertive Etruscan Women in Latin Historical Literature of the Early Empire // Augustean Age. 1985. Vol. 4. P. 31–38; McDougall I. Livy and Etruscan Women // АНВ. 1990. Vol. 4.2. P. 24–30.*

³² Подробнее об отличии версий Ливия и Овидия см.: *Geldner H. Op. cit. S. 59–70; Bowen A. The Story of Lucretia. Selections from Ovid and Livy. Bristol, 1987. Newlands C.E. Op. cit. P. 146–174 Fox M. Op. cit. P. 210–217, 224.*

³³ См.: *Ogilvie R.M. Op. cit. P. 221.*

Антонио Гуарино отметил психологическую несовместимость женственности и смиренности Лукреции, с помощью которых она победила в «состязании жен» и которые она продемонстрировала, уступив Сексту Тарквинию, и ее упорства и храбрости, проявившихся в героическом самоубийстве на следующий день³⁴. Шарль Аплтон полагал, что Лукреция покончила самоубийством, поскольку в результате насилия утратила чистоту и не могла родить мужу детей, в отцовстве которых он мог быть уверен. Своей смертью она сделала Секста Тарквиния виновным в ее бесчестии и призвала свою семью к отмщению за совершенное им насилие³⁵. По мнению Аплтона, Лукреция уступила царскому сыну из-за боязни быть убитой вместе с рабом и тем самым оказаться опозоренной в связи с ним, так что она не смогла бы уже снять с себя обвинения в прелюбодеянии³⁶. Гуарино же, в целом следуя за Аплтоном, полагает, что угроза Секста убить Лукрецию вместе с рабом была невыполнима, так что она могла не бояться бесчестия такого рода. В богатом римском доме всегда были слуги для того, чтобы прийти на помощь подавшей голос хозяйке. Но литературной традиции Лукреция нужна была как героиня и жертва, а вовсе не как персонаж, сохранившая целомудрие даже за счет собственной жизни. Поэтому исследователь полагает, что, вероятно, подлинная в основном история Лукреции была обработана на манер греческой трагедии³⁷.

Гуарино обратил внимание на правовую оценку ситуации, в которой оказалась Лукреция. Согласно архаичному праву, ее поведение могло бы быть квалифицировано как прелюбодеяние (*adulterium*), и поэтому она должна была умереть. По *lex Julia de adulteriis coercendis*, отец имел право убить ее вместе с прелюбодеем (*Patri datur ius occidendi adulterium cum filia quam in potestate habet* – Dig. XLVIII.5.21(20)). По версии Дионисия (AR. IV.66–67), Коллатин отсутствовал в домашнем разбирательстве (*iudicium domesticum*), случившегося с Лукрецией, так что она выглядит подчиненной власти своего отца (*in patri potestate*), а не мужа³⁸. Это делает правдоподобным предположение, что брак Лукреции с Коллатином еще не успели оформить, поскольку в столь древнюю эпоху брак *sine manu* вряд ли был возможен. В архаическом праве мужчина, совершавший насилие над чужой женой или дочерью, приговаривался к смерти³⁹. Поэтому после смерти Лукреции Секст Тарквиний был вынужден покинуть Рим и через короткое время он был убит в Габиях.

Джоселин Смолл, однако, предполагает, что в ранней, этрусской версии этой истории Секст Тарквиний остался в живых и успешно скрылся из спальни Лукреции с помощью богини Венеры, а разочаро-

³⁴ Guarino A. Il “dossier” di Lucretia // Labeo. 1959. Vol. 5. P. 211–217.

³⁵ Appleton Ch. Op. cit. P. 262–271.

³⁶ Ibid. P. 254–262.

³⁷ Проблема «молчания» Лукреции в сцене насилия и ее мифологические истоки подробно рассмотрены Кэрл Ньюландс. См.: Newlands C.E. Op. cit. P. 146–174.

³⁸ О домашнем суде см.: Kunkel W. Das Konsilium im Hausgericht // ZRG. 1966. Bd. 83. S. 219–251.

³⁹ Gell. X.23; ср.: Paul. Sent. II.26.1–8, 10–12, 14–17; Dig. XLVIII.5.21; 22; 23 pr.–2.4; 24 pr.–4; 25 pr.–3; 26 pr.; 27 pr.–1; Diodor. XXI.4. О праве убить прелюбодея см.: Corbett P.E. The Roman Law of Marriage. Oxf., 1930. P. 136–140; Cantarella E. Adulterio, omicidio legittimo e causa d'onore in diritto romano // Studi in onore di Gaetano Scherillo, coord. por Giuseppe Grosso. Milano, 1972. P. 243–274.

ванная Лукреция покончила с собой⁴⁰. Когда же история Лукреции стала рассматриваться сквозь призму законодательства Августа, Секст Тарквиний должен был умереть. Согласно законам Августа о прелюбодеяниях, если один из участников преступления подвергался наказанию, то и его партнер также должен был получить то же. Так что римская интерпретация оригинального литературного сюжета не могла позволить Сексту Тарквинию остаться в живых. Но грек Дионисий Галикарнасский (AR. VI.11.2; 12.5) описывает его сражавшимся в битве у Регильского озера (499 или 496 г. до н.э.).

Ричард Бауман обратил внимание, что не только в архаическую эпоху, но даже в III–II вв. до н.э. восприятие насилия над женщиной греками и римлянами было различным. Для греков было естественным видеть в Лукреции жертву насилия тирана, покончившую с собой из-за нанесенного ей оскорбления. Но в римском обществе еще господствовали иные нравы. Только с начала I в. до н.э. претор стал различать совершенное по доброй воле (*voluntate*) и из-за угрозы применения насилия (*metus causa*) и давать помощь против невыгодных действий, вызванных насилием или принуждением⁴¹. Следовательно, можно предполагать, что в III–II вв. до н.э. случай Лукреции рассматривался римлянами как обычное прелюбодеяние, и аргументация Ливия – *mentem peccare, non corpus, et unde consilium afuerit, culpam abesse* – принадлежит его собственной эпохе, эпохе законодательства Августа. А еще столетием раньше в глазах римского общества Лукреция выглядела женщиной, запятнанной прелюбодеянием, которая должна умереть. По обычаю предков ее убийцей должен стать либо отец (Лукреций), либо муж (Коллатин). История Вергинии, убитой собственным отцом, является красноречивым вариантом поступка Лукреции⁴². Своим самоубийством Лукреция, с одной стороны, избавляла родных от этой мучительной (и отжившей свой век) обязанности, а с другой, выражала протест против того жестокого обычая, который сохранился с незапамятной архаики. Если эти идеи имели место в трагедии Акция, то она могла бы рассматриваться как предтеча новых веяний в римском семейном праве.

При Августе смерть Лукреции получила новое обоснование. Как известно, при подготовке и после издания законов Августа среди римских юристов, а следовательно и в обществе, обсуждалась проблема соотношения прелюбодеяния (*adulterium*) и насилия (*raptus*) и отношения к ним права. Бауман показал, что случай Лукреции мог рассматриваться как искусственный пример двух различных подходов к этому теоретическому вопросу⁴³. Версии Дионисия и Ливия могли быть своего рода иллюстрацией к ним. У Дионисия обесчещенная Лукреция отправляется к отцу фактически обреченной, в черной одежде. Ее просьба собрать как можно больше родственников предполагает не домашний совет для решения ее судьбы, а имеет целью вдохновить всех *gentiles* и их друзей на

⁴⁰ Small J.P. Op. cit. P. 359.

⁴¹ Bauman R.A. The Rape of Lucretia. *Quod natus causa* and the Criminal Law // *Latomus*. 1993. Vol. 52. P. 552–554.

⁴² На сходство историй Лукреции и Вергинии не раз обращалось внимание в научной литературе. В частности, см.: Geldner H. Op. cit. S. 8–12, 185–232 (Verginia); Joshel S.R. The Body Female and the Body Politic: Livy's Lucretia and Verginia // *Pornography and Representations on Greece and Rome*. Oxf., 1992. P. 112–130.

⁴³ Bauman R.A. Op. cit. P. 550–566.

мечь семье насильника. По-иному дело представлено у Ливия. В дом мужа Лукреции прибывают сам Коллатин и ее отец с самыми верными друзьями. Это действительно семейный совет. Выслушав ее рассказ, они начинают убеждать ее в невинности: «Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль, а не тело, у кого не было умысла, на том нет и вины» (I.58.9). Лукреция и сама это осознает, говоря «тело одно подверглось позору, душа же невинна», но она не видит выхода для женщины, подвергшейся насилию: «Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия?». Поэтому она выбирает смерть: «а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!». Этот вариант выбора был, возможно, обусловлен тем, что Ливий, как автор истории, был связан в своих предпочтениях требованием сюжета, видевшего в Лукреции не просто пострадавшую женщину, а жертву тирана, которая должна быть отомщена его изгнанием из Рима.

В статье Дайаны Мосес также рассматривается проблема: как относилось право конца республики и начала принципата к бесчестию (*stuprum*), которому подверглась женщина⁴⁴. В 28 г. до н.э. Август попытался распространить право на регулирование морали и поведения граждан. Если Ливий писал первую книгу «Истории» между 27 и 25 гг. до н.э., то сюжет с Лукрецией, возможно, отражает эту попытку Августа, в программу которой входило наказание женщины за прелюбодеяние и (добровольное) бесчестие. Имелись в виду женщины, обозначавшиеся как *impudicae*. Лукреция рассматривалась как моральный образец для женщин такого рода. Содержание истории у Ливия показывает, что как в обществе, так и в праве различалось отношение к женщине, обещенной силой (*per vim stuprum, raptus*), и той, которая добровольно позволила вовлечь себя в бесчестие (*stuprum*). Ульпиан ссылался на *lex Julia de adulteriis coercendis* от 18 г. до н.э., согласно которому муж имел право покарать жену, оказавшуюся в руках врагов, за прелюбодеяние только тогда, когда она не подвергалась насилию, в противном же случае ее не могли обвинить в прелюбодеянии (*adulterium*) или бесчестии (*stuprum*)⁴⁵. С этой точки зрения смерть Лукреции была излишней, и то, что она прибегла к самоубийству, показывает, насколько трудно в реальности было различить бесчестие в результате насилия от добровольного бесчестия. Убежденность Лукреции в необходимости ее смерти отражает архаическое представление о прелюбодеянии как о грязном пятне, которое ложится на последующее потомство Лукреции и ее мужа, да и всю семью⁴⁶.

Рассматривая источники Ливия и Дионисия, Дайана Мосес полагает, что прямо или через посредство Валерия Анциата история Лукреции восходила к Фабию Пиктору и Кальпурнию Пизону. Поэтому моральный оттенок в истории Лукреции у Ливия принадлежал, возможно,

⁴⁴ Moses D.C. *Livy's Lucretia and the Validity of Coerced Consent in Roman Law // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies*. Ed. by A.E. Laiou. Washington, 1993. P. 41–81.

⁴⁵ D. XLVIII.5.14(13).7.

⁴⁶ Appleton Ch. Op. cit. P. 265; Ogilvie R.M. Op. cit. P. 225; Moses D.C. Op. cit. P. 72.

к более раннему периоду, чем эпоха конца республики и начала правления Августа⁴⁷.

3. Ритуал обновления царской власти в раннем Риме

Среди литературных клише, сопровождающих историю испытания жён, обращает на себя внимание описание конной скачки знатной молодежи от Ардеи в Рим, которое не принадлежит к числу отмеченных Харальдом Гельднером литературных мотивов, по которым моделировалась история Лукреции. Однако эта скачка имеет важное значение в сюжете истории, поскольку заканчивается фатальной встречей Лукреции и Секста Тарквиния, результатом которой стала последовательность событий «исторического» значения: безудержное желание Секста, приведшее к самоубийству Лукреции и, как ни странно, изгнанию царя Тарквиния Гордого.

Но этот эпизод не покажется странным, если обратить внимание, вслед за А. Холлеманом, на дату того дня, когда было совершено насилие над Лукрецией. Согласно Овидию (*Fasti*. II.725–852) это произошло 24 февраля, в день, когда по римскому календарю справлялся праздник Регифугия⁴⁸. Римляне верили в происхождение термина *Regifugium*, который переводится как «бегство царя» или «царский бег», от бегства или изгнания царской семьи из Рима во время правления Тарквиния Гордого. Джеймс Фрэзер увидел в Регифугии аналогию с царем-жрецом Дианы Арицийской (*rex Nemorensis*), смена которого происходила путем убийства преемником⁴⁹. Современные исследователи видят в Регифугии древний ритуал календарного цикла⁵⁰. Холлеман указывает на сходство римских февральских праздников с вавилонскими календарными циклами – разница между лунным циклом (354 суток) и солнечным циклом (364/5 суток) составляла 11 суток, которые были новогодним праздником, заканчивавшимся в Вавилоне обрядом Священного Брака⁵¹. В римском (этруском, по Холлеману) календаре 11 суток было между ритуалами 13 февраля (Паренталии) и 24 февраля (Регифугий). Влияние вавилонской календарной обрядности было следствием правления в раннем Риме этрусков, которые принесли с собой и ритуал Священного

⁴⁷ См.: Moses D.C. Op. cit. P. 73–74.

⁴⁸ Согласно Холлеману, личное имя Секста (*Sextus*) Тарквиния выглядит как персонафикация 24 февраля, который по республиканскому календарю у римлян считался (*ante diem sextum* (*Kal. Mart.*): Holleman A.W.J. *Lucretia und die Inschriften*. P. 46.

⁴⁹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. Также см.: Porte D. Op. cit. P. 89–92. Фрэзер исходил из данных римской традиции, согласно которой почти все римские цари уступали место преемнику в результате своей гибели. Тит Таций был убит жертвенными вертелами во время жертвоприношения в Лавинии, Ромул был растерзан сенаторами во время Поплифугия, Тулл Гостилий погиб в огне пожара от гнева Юпитера, Анк Марций, по одной из версий, пал от руки Тарквиния, Тарквиний Древний был зарублен посланцами сыновей Анка Марция, Сервий Туллий, убегая, убит преследователями, посланными Тарквинием Гордым. Фрэзеру обычно возражают, что Нума Помпилий умер естественной смертью.

⁵⁰ Де Санктис указывал на связь Регифугия с Поплифугием. См.: *De Sanctis G. Storia dei Romani. Roma dale origini alla monarchia. Nuova edizione. Firenze, 1980. Vol. 1. P. 404.*

⁵¹ Holleman A.W.J. Op. cit. P. 43

Брака. Этот ритуал Холлеман и другие исследователи прочитывают в табличках из Пирги, обнаруженных в 1964 г.⁵²

В древнейшем римском календаре годовой цикл начинался 1 марта, а одним из его завершений был праздник *Terminalia* 23 февраля⁵³. Исполнявшийся на следующий день Регифугий начинал пятидневный переходный период между двумя годовыми циклами (24–28 февраля). Варрон (*LL. VI.13*) называл его *inferiores quinque dies*, видимо, потому, что эти дни были исключены из нормальной повседневной жизни. Поэтому логично предположить, что Терминалии завершали 360-дневный солнечный цикл⁵⁴. Андрэ Магделен обратил внимание, что пять дней, начинавшиеся с Регифугия 24 февраля, напоминают пять дней пребывания у власти интеррекса⁵⁵. В период республики главным ритуалом Регифугия было жертвоприношение на Комиции, совершавшееся «священным царем» (*rex sacrorum*), вслед за которым следовало его бегство в неизвестном направлении. Согласно Ливию (I.7.7–8 и II.2.1–2), должность *rex sacrorum* была учреждена после падения монархии для исполнения ритуальных функций царя, тогда как его властные полномочия перешли к консулам. Следуя этому, исследователи полагают, что в эпоху монархии сам царь убегал из Комиция после совершения жертвоприношения 24 февраля. Магделен предположил, что во время Регифугия римский царь ежегодно слагал с себя полномочия⁵⁶, которые возвращались ему интеррексом 1 марта. Таким образом осуществлялось ежегодное обновление царской власти, которая оказывалась связана с календарным циклом – власть царя обновлялась с завершением старого года и началом нового. Идея Магделена принимается ныне большинством исследователей⁵⁷.

Фредерик Блэйв обратил внимание на участие в церемонии Регифугия жрецов бога Марса – салиев⁵⁸. Он предположил, что салии выступали в роли свиты интеррекса, охранявшей римское общество в течение пяти опасных дней межвременья. В Марсе он видит лишь божество войны, поэтому Эквирии (*Equirria*) 27 февраля, которые он рассматривает

⁵² Février J.G. A propos du hieros gamos de Pyrgi // JA. 1965. Vol. 253. P. 11–13; Heurgon J. The Inscriptions of Pyrgi // JRS. 1966. Vol. 56. P. 1–15; Holleman A.W.J. Op. cit. P.37–47. Против см.: Werner R. Die phoinikisch-etruskischen Inschriften von Pyrgoi und die römische Geschichte im 4.Jh. v. Chr. // Grazer Beiträge. 1974. Vol. 2. P. 262–296.

⁵³ См.: Varro. *LL. VI.13: Terminalia, quod is dies anni extremus constitutus: duodecimus enim mensis fuit Februarius et cum intercalatur inferiores quinque dies duodecimo demuntur mense. Ecurria ab equorum cursu: eo die enim ludis currunt in Martio Campo.*

⁵⁴ Однако проблема интеркаляции в римском календаре обычно понимается как вставка дополнительного 13-го месяца. Это создает трудность его совмещения с рассматриваемыми пятью днями.

⁵⁵ Magdelain A. Cinq jours épagomènes à Rome // REL. 1962. Vol. 40. 1962. P. 201–217. Против: Radke G. Die letzten drei römischen Feste im Februar // Grazer Beiträge. 1995. Bd. 21. S. 71–83.

⁵⁶ Когда Овидий (*Fasti. II.852*) восклицал, что «24 февраля это последний день царей» (*dies regnis illa suprema fuit*), он имел в виду изгнание последнего Тарквиния из Рима. Но за этим объяснением эпохи поздней республики просматривается оригинальная основа древнего ритуала, предполагавшая последний день правления царя, когда он расставался со своим титулом.

⁵⁷ Например см.: Martin P.M. L' idée de royauté à Rome. P. 202; Poucet J. Les origines de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles, 1985. P. 101. Note. 95.

⁵⁸ Blaive Fr. Du Regifugium aux Equirria. Remarques sur les rituels romains de fin d'année // Hommages à Carl Deroux, ed. P. Defosse. Bruxelles, 2003. Vol. 4. Collection Latomus 277. P. 283–290.

в связке с Регифугием, трактуется им как подготовка конницы к началу военного сезона. Однако Марс стал богом войны как следствие того, что был божеством начала года, весенней растительности и иницируемой молодежи, первоначально составлявшей войско. Марс был не только патроном марта, первого месяца, но также и мифологическим предком римской династии. Следовательно, римский царь персонифицировал бога Марса, и эта роль ежегодно обновлялась во время мистического пятидневного периода, предшествовавшего наступлению первого дня марта⁵⁹. Поэтому окончание годового цикла 23 февраля могло иметь отношение к ритуальной конной гонке, которая была центральным актом Эквиррий.

В описании Овидия (*Fasti*. II.857–862) это конное состязание выглядит так, будто оно было скачкой за право стать ритуальной персонификацией бога Марса (перев. Ф.А. Петровского):

«Месяц проходит второй: от него лишь две ночи осталось;
Марс погоняет коней, на колеснице летя.
Правильно назван сей день – Эквирии – конские скачки:
Смотрит на них этот бог нынче на поле своем.
Слава тебе, Градив, своевременно к нам ты приходишь:
Месяц грядущий твоим именем запечатлен».

Ритуал, справлявшийся на Марсовом Поле, мог стать фольклорно-литературной аналогией описания военной осады вражеского города (Ардеи). Центральным актом ритуала, осуществлявшегося в конце годового цикла, было соревнование – конная скачка знатных юношей, призом в которой было звание «Марса». Можно предположить, что обладатель этого звания (по воле богов как победитель) становился носителем божественного начала (персонификация Марса). Вероятно, с началом нового года он становился новым «царем священнодействий».

Как представляется, этот ритуал был облечен в литературную форму в рассказе о скачке знатной молодежи из Ардеи в Рим для того, чтобы проверить поведение оставшихся дома жен. К главным участникам состязания следует отнести царских сыновей, Тита, Аррунта и Секста, царских племянников – Тарквиния Коллатина и Юния Брута и, вероятно, Валерий Попликолу, степень родства которого с Тарквиниями неизвестна. Результатом состязания, как известно, стало изгнание царских сыновей и учреждение республики, первыми консулами которой были Коллатин, Брут, а затем и Валерий. Это позволяет предположить, что конные скачки возглавлялись двумя триадами знатных юношей и победившее трио получило власть в Риме.

Это соперничество триад напоминает сообщение Дионисия Галикарнасского (II.13.3), что при Ромуле древнюю кавалерию возглавлял Целер (*Celerus*) и три центуриона (ἐκατόνταρχοι), возглавлявшие центурии Рамнов, Тициев и Луцеров⁶⁰. После известных дебатов с авгуром Аттом Навием царь Тарквиний Древний удвоил всаднические центурии Рому-

⁵⁹ Римский *rex sacrorum* считался жрецом Януса, что указывает на древнюю связь между последним и Марсом.

⁶⁰ О титуле трибуна целеров (*tribunus celerum*) см.: Liv. I.59.7; Serv. *Ad Aen.* VIII.646, XI.603; D. I.2.2.15 (Pomp. *De orig. iur. Dif.*); Joh. Lyd. *De magistr.* I.14; I.37; Dion. Hal. *AR.* II.13, 64, III.40.4, 41.4, IV.3.2, 6.4, 71.6, 75.1, VI.13.

ла⁶¹. Эти же шесть центурий – *Ramnes, Tities, Luceres priores et posteriores* – вероятно, были теми, которые впоследствии занимали особое место в республиканской системе голосования и назывались *sex suffragia*⁶². Таким образом, при Тарквиниях у римлян было шесть центурионов конницы, которые были разделены на две группы по три человека в каждой⁶³. Тот из них, который обладал титулом *tribunus celerum*, возможно, рассматривался как наследник царя⁶⁴. В пользу этого предположения говорит свидетельство традиции, что, перед тем как стать царем, Тарквиний Древний был командиром всадников при Анке Марции, а Сервий Туллий занимал ту же должность при царе Тарквинии Древнем⁶⁵. Юний Брут, ставший первым республиканским консулом, был *tribunus celerum* в правление своего дяди Тарквиния Гордого⁶⁶.

Однако хотя Брут именуется Ливием трибуном целеров, описание ритуала показывает, что лидером победившей команды был Тарквиний Коллатин⁶⁷. Его положение в качестве мужа Лукреции, центральная роль в сюжете «соствязания жен», соперничество с насильником Секстом – все это указывает на Коллатина как на победителя конного соствязания. Царский сын Секст Тарквиний выглядит проигравшим соревнование неудачником, который решил захватить ускользнувший приз незаконным путем. Его насилие над Лукрецией кажется попыткой захватить связанную с ней общественную ценность в обход очередности, предписываемой правилами⁶⁸. Следует иметь в виду, однако, что отношения Коллатина, Лукреции и Секста Тарквиния были скорее заданы сюжетом, заимствованным из эллинистической литературы, чем имели отношения к ритуалу. Поэтому вряд ли следует переносить их на историческую действительность.

⁶¹ Liv. I.36.2; Dion. Hal. AR. III.71.1; Cic. Rep. II.20.36; Val. Max. I.4.1, III.4.2; Flor. I.1.5.2; Fest. p. 168 L, s.v. *Navia*.

⁶² Fest. p. 452 L.: *sex suffragia appellatur in equitum centuriis, quae sunt adiectae ei numero centuriarum; quas Priscus Tarquinius rex constituit*; ср.: Cic. Rep. II.22.39. Подробнее см.: Momigliano A. *Procurum patricium* // JRS. 1966. Vol. 56. P. 16–24; Alföldi A. *(Centuria) procurum patricium* // Historia. 1968. Vol. 17. P. 444–460; Magdelain A. *Procurum patricium* // Studi in onore di Ed. Volterra. 1971. Vol. 2. P. 247–266; Develin R. *The Voting Position of the Equites after the Centuriate Reform* // RhM. 1979. Vol. 122. P. 155–161; Grieve L.J. *Proci patricii: a question of voting order in the centuriate assembly* // Historia. 1987. Vol. 36. P. 302–317.

⁶³ Ср.: Fest. P. 468 L.: *sex Vestae sacerdotes constitutae sunt, ut populus pro sua quaque parte haberet ministram sacrorum; quia civitas Romana in sex est distributa partis: in primos secundosque Tities, Ramnes, Luceres*.

⁶⁴ Помпоний (D. I.2.2.15) сообщает, что *tribunus celerum* занимал второе место после царя в архаической иерархии власти подобно тому, как *praefectus praetorio* был вторым лицом после императора в его время. Ср.: *Ilari V. I celeri e il problema dell' equitatus nell'eta arcaica* // Rivista italiana per le scienze giuridiche. 1971. Vol. 15. P. 145; *Martin P.M. L' idée de royauté à Rome*. P. 65–66.

⁶⁵ Dion. Hal. AR. III.40.4: τοὺς ἱππέεις ἄγοντα; III.41.4 и IV.3.2: ὁ τῶν ἱππέων ἡγεμῶν; IV.6.4: ἱππέων ἡγούμενος.

⁶⁶ Dion. Hal. AR. IV.71.6 и 75.1: τῶν κελερίων ἄρχων; Liv. I.59.7: *tribunus celerum*; Serv. Ad Aen. VIII.646: *tribunus equitum celerum; tribunus equitum*. Луций Юний Брут представлен в исторической традиции как младший сын Марка Юния и Тарквинии, одной из сестер царя Тарквиния Гордого. Liv. I.56.7: *L. Iunius Brutus, Tarquinia, sorore regis, natus... Is cum primores civitatis, in quibus fratrem suum, ab avunculo interfectum audisset...; [Aur.Vict.] De vir. ill. 10.1: Iunius Brutus sorore Tarquinii Superbi genitus*.

⁶⁷ Цицерон называет Брута частным лицом, а некоторые авторы видят в нем трибуна. Изгнав царей, Брут становится носителем должности консула (претора).

⁶⁸ Диодор (X.20.2) и Дионисий (AR. IV.65.2) утверждают, что Секст Тарквиний пытался склонить Лукрецию к прелюбодеянию обещанием сделать ее царицей, когда он унаследует отцовский трон.

Псевдоисторический характер этой истории проявляется в отсутствии связи между ритуалом обновления царской власти во время Регифугия и наследованием царского титула этрусскими царями. Согласно римской традиции, Тарквинии удерживали титул внутри своей семьи посредством матримониальной политики. Сервий Туллий женился на дочери Тарквиния Древнего, а Тарквиний Гордый – на дочери Сервия; с этой точки зрения в качестве следующего римского царя логично было ожидать Октавия Мамилия из Тускула, за которого Тарквиний Гордый выдал свою дочь. Но в традиционной истории эта линия не развита, а в отношении последнего царя Тарквиния содержится ряд намеков на его стремление возвысить своего сына Секста, поведение которого и послужило поводом для ликвидации царской власти в Риме. Предположение о попытке Тарквиния Гордого утвердить в Риме наследование царского титула от отца к сыну рассмотрено в моей предыдущей статье, но сейчас оно не кажется мне убедительным⁶⁹.

Римская традиция изображает характер царской власти неизменным от Ромула до Тарквиния Гордого, и вариации в политике царя зависящими только от его личных качеств. Однако в реальности, по-видимому, следует различать правление в Риме этрусских царей и царскую власть доэтрусской эпохи. Отрывочные свидетельства о периодических появлениях в Риме царей из Этрурии наводит на мысль о неоднократных захватах города этрусками. К числу этих данных относятся легенды о поселении Целеса Вибенны на Целии, некоего царя Ола (Авла Вибенны – ?) на Капитолии, приход Лукумона, чтобы стать царем Тарквинием, версия о этрусском командире Мастарне, принявшем имя Сервия Туллия, версия о поселении царя Порсенны из Клаузия на Яникуле, откуда он управлял Римом. Все это заставляет сомневаться в существовании в Риме единой этрусской династии, хотя некоторые из неизвестных нам царей вполне могли быть связаны родственными узами⁷⁰. В то же время правление этрусков в Риме стимулировало городское строительство, полностью изменило облик города, его социальную структуру, военную организацию. Очевидно, что потестарная организация Рима и ее ритуальное оформление претерпели не меньшие изменения. В рамках статьи я могу позволить себе лишь высказать некоторые предположения по этому поводу.

Доэтрусский Рим не был урбанизированным поселением, хотя имел на своей территории ряд укреплений. Основой общественной организации были ритуальные объединения мужчин (курии), выдвигавшие своих представителей в сенат. Царь был ритуальным правителем, который приобретал и поддерживал свое право на титул во время ежегодных конных состязаний. Для этой и других ритуальных целей римская община делилась на две половины, каждая из которых выставляла свою команду для состязаний. Предводитель победителей становился царем, а его команда – его священной свитой (целерами). С приходом этрусков эта ритуальная организация не была отменена, но утратила свое прежнее общественное значение. Было установлено точное число курий – 30,

⁶⁹ См.: *Koptev A. Lucretia's Story in Literature and the Rites of Regifugium and Equirrii // Studies in Latin Literature and Roman History. Bruxelles, 2003. Vol. 11. Ed. C. Deroux (Collection Latomus 272). P. 5–33.*

⁷⁰ Подробнее см.: *Migliorati G. Forme politiche e tipi di governo della Roma etrusca del VI sec. a.C. // Historia. 2003. Vol. 52. P. 39–66.*

кратное трем, и все население распределено между ними. Две половины прежней римской общины были преобразованы в трибы, и к ним добавлена третья, населенная этрусками⁷¹. Ритуальное состязание было упорядочено – каждая половина города выставляла по 300 всадников⁷². Предводители трех победивших в состязании центурий становились предводителями латинской части Рима – преторами. Один из них получал титул «священного царя» (*rex sacrorum*)⁷³, а два других в ранге преторов возглавляли две трибы. Третью трибу возглавлял этрусский предводитель, которого также титуловали претором. В ритуальной сфере, связанной с латинской календарной традицией, высшими полномочиями обладал «священный царь». Но реальная власть принадлежала не ему, а руководителю этрусской трибы, который поэтому носил титул *praetor maximus*. Иначе говоря, рядом с ритуальным царем (*rex sacrorum*) теперь появился этрусский монарх, державший в своих руках военное предводительство (*magister populi*)⁷⁴. Изгнание этрусов из Рима привело к ликвидации только военной должности этрусского монарха, но ритуальный *rex sacrorum* продолжал существовать и при республике. Со временем изменилось лишь соотношение властных полномочий между ним и его двумя преторами, превратившихся в республиканских консулов⁷⁵. Пребывание его в должности стало пожизненным, тогда как его преторы (консулы) сохранили древнюю годовичность должности.

4. Лукреция в роли «царицы»

Вернемся к героям римской традиции, связанной с переходом от монархии к республике. В ритуальном состязании принимали участие дети и племянники этрусского царя, представлявшие следующее поколение правителей Рима. Победившие в скачке царские племянники получили назначение на должности преторов – Коллатин (*rex sacrorum*), Брут и Валерий (по традиции – консулы). В царскую эпоху ритуал обновления царской власти предположительно означал, что «священный царь» ежегодно защищал обладание титулом в конном состязании. Литературная версия этого ритуала сделала его участниками Тарквиниев и их друзей, поместив его в контекст «истории римских Атридов».

⁷¹ Согласно Варрону (*LL. V.55*), названия триб Тициев, Рамнов, Луцеров были этрусскими.

⁷² Ритуальный характер этих шести центурий – *Tities, Ramnes, Luceres priores et posteriores* – позволил им сохраниться в неизменном виде и в республиканское время в виде так называемых *sex suffragia*, имевших особое положение в голосовании в центуриатных комициях.

⁷³ Предположение, что должность *rex sacrorum* была учреждена еще в царскую эпоху, давно существует в науке. См.: *Radke G. Fasti Romani: Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders. Münster, 1990. S. 48–56.*

⁷⁴ Такое «двойное» правление «священного царя» и его военного «заместителя» существовало у многих народов древности и средневековья (известными примерами являются король и мажордом у Меровингов, каган и бек в Хазарии, микадо и сегун в Японии). См.: *Cornell T.J. Op. cit. P. 226.* О военных полномочиях римского царя см.: *Liou-Gille B. Sur le pouvoir militaire à l'époque archaïque: de la dictature albaine aux premières dictatures romaines (d'après Tite-Live et Denys d'Halicarnasse) // Images d'origines, origines d'une image. Hommages à Jacques Poucet, publiés sous la direction de P.-A. Deproost et A. Meurant. Louvain-la-Neuve, 2004. P. 175–190.*

⁷⁵ Консулы первоначально назывались преторами, см.: *Cic. Leg. III.3.8; Pseudo-Asconius. Verr. II.36 p. 234 Stangl.; Liv. III.55.11–12, VII.3.5; Fest. P. 249 L, s.v. Praetoria porta; P. 152 L, s.v. Maximum praetorem; Plin. NH. XVIII.12; Gell. XI.18.6–8.*

Лукреция в этом ритуале, очевидно, играла роль жены «священного царя» (*regina*). Некоторые детали в античной традиции указывают на ее «царский» статус. В рассказе Дионисия (IV.66.1) наутро после случившегося ошеломленная Лукреция отправляется из Коллатии в Рим на повозке, подобно тому, как передвигались цари и жрецы⁷⁶. Фрагменты колесниц находят в этрусских гробницах, а современные им изображения этрусских колесниц встречаются на рельефах VII – конца VI вв. до н.э., в частности в «Гробнице принцессы» в Кастель ди Дечима⁷⁷. Этот феномен интересен тем, что колесницы являются скорее символом высокого положения (возможно, царского) в большей степени, чем приспособлением для войны⁷⁸. Почитание колесницы у разных народов в качестве символа божества или божественной власти наводит на мысль о его общей индоевропейской основе, уходящей в глубокую древность⁷⁹. Лукреция на повозке, таким образом, является аналогом Танаквиль в сцене приезда в Рим или Туллии в сцене переезда через тело царя Сервия Туллия.

Отец Лукреции, Спурий Лукреций Триципитин, при царе Тарквинии Гордом состоял в должности «префекта города» (*praefectus Urbi*), которая оказывалась альтернативной царской в случае отсутствия царя (*imperium in urbe Lucretio, praefecto urbis iam ante ab rege instituto, relinquit* – Liv. I.59.12)⁸⁰. Поздний источник называет Брута дядей Лукреции по матери (*avunculus*)⁸¹. Это означает, что Лукреций Триципитин был женат на Юнии, сестре Брута и внучке Тарквиния Древнего. Таким образом, Триципитин имел общественное положение царского зятя, а его дочь Лукреция оказывалась внучкой царя Тарквиния Древнего. После изгнания царской семьи Тарквиниев Лукреций становился интеррексом (*interrex*), который по обычаю вручал царский титул своему преемнику⁸². В этот момент его дочь Лукреция могла рассматриваться как суррогатная «царская дочь»⁸³.

⁷⁶ Liv. I.48.7; Ovid. *Fasti*. VI.600–610; [Aur.Vict.] *De vir. ill.* VII.18–19. Bonfante Warren L. Roman Triumphs and Etruscan Kings: The Changing Face of the Triumph // JRS. 1980. Vol. 70. P. 58; ср.: Briquel D. Les figures féminines dans la tradition sur les trois derniers rois de Rome // Gerión. 1998. Vol. 16. P. 123–124, 139–140.

⁷⁷ Ср.: Quilici L. Roma primitiva e le origini della civiltà laziale. Rome, 1979. P. 303–304; Cornell T.J. Op. cit. P. 82.

⁷⁸ Ср.: Bronson R.C. Chariot in Etruria // Studi in onore di Luisa Banti. Rome, 1965. P. 89–106; Bartoloni G., Grottanelli C. I carri a due ruote nelle tombe femminili del Lazio e dell'Etruria // Opus. 1984. Vol. 3. P. 383–396 = La donna in Etruria, a cura di A. Rallo. Roma, 1989. P.55–73; D'Agostino B. La donna in Etruria // Maschile/Femminile. Genere e ruoli nelle culture antiche, a cura di M. Bettini. Roma; Bari, 1993. P. 61–74.

⁷⁹ Кроме приведенного выше малоазийского примера Гордия и гомеровских басилев можно указать на рассказ Корнелия Тацита (*Germ.* 40) о роли священной повозки в культуре германской богини Нерты. Хронист Эйнхард рассказывает, что одним из символов царского статуса Меровингов была повозка, в которой они осуществляли периодические объезды подданных.

⁸⁰ Должность *praefectus Urbi* якобы была создана Ромулом для замещения царя во время его отсутствия в городе (Dion. Hal. AR. II.12.1; Tacit. *Ann.* VI.11; Jon. Lyd. *Mens.* I.21).

⁸¹ Serv. *Aen.* VIII.646; Mythogr.Vat. I.74 (Script. rerum myth. Latini 1. P. 25 Bode); ср.: Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto. P. 119.

⁸² Согласно Дионисию (AR. IV.76.1–2), Лукреций, после назначения его *interrex*, избирает Л. Юния Брута и Л. Тарквиния Коллатина осуществлять власть царей (ἵπ' ἐκείνου δὲ τοὺς ἔξοντας τὴν τῶν βασιλέων ἐξουσίαν ὀνομασθῆναι) или (IV.84.5) выполнять функции, которые принадлежали царям (τοὺς πράξοντας ὅσα τοῖς βασιλεῦσιν ἐξῆν).

⁸³ Отдельным вопросом является статус зятя Лукреция – Тарквиния Коллатина. В исторической традиции он фигурирует в паре первых консулов с Юнием Брутом. Однако

Холлеман обратил внимание на факт прядения Лукрецией шерсти для изготовления плаща своему «господину» Луцию Тарквинию и сравнивает это с другими случаями изготовления женщинами военных плащей своим мужьям или женихам, например Аретузой для Ликоты у Проперция (IV.3.18) и Горацией для Куриация у Ливия (I.26.2)⁸⁴. Он предполагает, что в упомянутом Овидием (*Fasti*. II.746–748) «господине» (*dominus*) можно видеть обоих «господ» (*domini*) Лукреции, мужа и царя, которые носили одно и то же имя – Луций Тарквиний (Коллатин и Гордый) и, таким образом, могли быть одним и тем же лицом, то есть царем. Лукреция, в интерпретации Холлемана, так спешила закончить свою работу потому, что ожидала проверки ее исполнения 24 февраля, и Секст Тарквиний именно в этот день подверг ее насилию. Согласно гипотезе Холлемана, Лукреция ожидала Священного Брака с царем, справлявшегося 24 февраля, в последний день старого года, когда ритуал Регифугия знаменовал наступление весны (*Fasti*. II.851–854). Именно поэтому Лукреция спешила закончить изготовление плаща (*gaunacum*). Но в этот раз, т.е. около 500 г. до н.э., произошло непредвиденное: очередное исполнение ритуала Священного Брака в этрусском Риме было нарушено из-за совершенного насилия, и это нарушение послужило поводом для уничтожения монархии.

Реконструкция Холлемана исходит из представления, что ритуал Регифугия в царскую эпоху исполнялся царем, который совмещал полномочия священного и военного правителя Рима. Он полагает, что в этрусском Риме обязанность ежегодно предоставлять исполнительницу роли богини Уни для участия в ритуале Священного Брака с царем лежала на этрусской семье *Luchre* (в традиции она известна как *gens Lucretia*). Однажды в нарушение обычая царь Тарквиний Гордый выбрал для роли жрицы не девушку, а замужнюю женщину. Это нарушение ритуала вызвало возмущение не только ее семьи, но и всего народа, которое привело к восстанию против царя.

С нашей точки зрения, ритуал Регифугия и связанные с ним обряды перехода к новому годовому циклу справлялись «священным царем». Поэтому ситуация вполне допускала отсутствие в Риме этрусского правителя Тарквиния Гордого, который осаждал Ардею. В его отсутствие обряды проводились под контролем замещавшего царя Лукреция Триципитина. Его зять Коллатин был ритуальным царем, а «царская» дочь Лукреция, соответственно, «царицей» (*regina*). Конное состязание на празднике Эквирии позволило Коллатину отстоять свой титул «священного царя». Проигравшие царские сыновья в соответствии с обычаем удалились из Рима. Историческая традиция умалчивает лишь о том, что удалялись они на один год, до следующего состязания. Если видеть в представленной картине описание реальных событий конца VI в. до н.э., то получается, что Коллатин, Брут и Валерий решили воспользоваться отсутствием этрусского царя в городе и обратить свои ритуальные полномочия в действительную власть.

наша реконструкция позволяет видеть в нем не консула (претора), а «священного царя». Его изгнание в Лавиний можно трактовать как реформу положения «священного царя», который при республике утратил какие-то прежние полномочия.

⁸⁴ *Holleman A.W.J. Ovid and the Story of Lucretia // Liverpool Classical Monthly. 1981. Vol. 6. P. 243–244; idem, Lucretia und die Inschriften. P. 40–46.*

К сожалению, Брут и Коллатин не известны из источников, которые появились раньше труда Фабия Пиктора. Отождествление Валерия Попликолы с именем, упомянутым в знаменитой надписи из Сатрика, часто принимается, но оно не безусловно. И, наконец, нет каких-либо определенных данных о ритуале Священного Брака в раннем Риме. Реконструкция Холлемана основана на параллели между образом Лукреции и культом богини Уни (Юноны) в Церэ, где она отождествлялась с Астартой и Левкотеей. Одним из эпитетов Юноны был *Lucina* – светоносная, и Холлеман сближает его с титулом супруги этрусского лукумона – *lauxumna*, и латинским именем *Lucretia*⁸⁵. Культ этой богини в этруском Церэ имел ближневосточные черты, в том числе и ритуал Священного Брака, справлявшийся весной перед началом нового года. Этрусские правители могли распространить его и в Риме.

Однако вероятнее иное объяснение. Церэ оказывается в особенно близких отношениях с Римом в начале IV в. до н.э. Во время Галльского нашествия многие римляне и римские святыни нашли приют в Церэ. Благодарные римляне даровали гражданам этого города *hospitium publicum*, так что его население стало самыми близкими римлянам *hospes* со статусом *cives sine suffragio*⁸⁶. Традиция умалчивает о позиции Церэ в войне Рима с другим этрусским соседом – Вейями. Вполне вероятно, что именно благодаря поддержке Церэ Рим одержал эту победу. Церэ находился в дружеских отношениях с Карфагеном, и продолжением этих отношений стало заключение с ним договора Римом в 348 г. до н.э. Церэ был важным союзником Рима в войнах с этрусками и галлами в IV в. до н.э. Поэтому вполне вероятно, что в устной традиции этой эпохи какие-то из древних этрусских царей Рима связывались происхождением с церитской знатью. Именно в Церэ засвидетельствованы эпиграфические следы семейства *Tarchna* (CIL. XI.3626; 3627), которые в период формирования исторической традиции о раннем Риме (Тимей, Фабий, Цинций) послужили прообразом римских Тарквиниев. Этрусские новогодние ритуалы, которые можно было наблюдать в IV–III вв. до н.э., в том числе и ритуал Священного Брака, вероятно, рассматривались авторами этой эпохи в качестве тех обычаев, которые этрусские цари ввели в раннем Риме в период своего господства. Автор, использовавший образ Лукреции в качестве «приза» для участников весенней новогодней конной скачки, мог ориентироваться как на этрусскую традицию

⁸⁵ См.: Holleman A.W.J. *Lucretia und die Inschriften*. P. 39–40. Этрусская *lauxumna* – жена носителя сакрального титула *lauxume* (лат. *lucumo*). Если этрусский *lauxume* (*lucumo*) имел латинское значение гех, то *lauxumna* – соответственно, *regina*. Примечательно, что этрусская богиня Уни, «переведенная» в Рим после взятия Вей в 396 г. до н.э., называлась *Juno Regina*. С другой стороны, латинизация этрусского термина *lauxumna* привела к превращению его в апеллатив Юноны – *Lucina* (светоносная) или *Lucetia* (Mart. Cap. 2.149). Таким образом, *Lauxumna* > *Lucina* > *Lucetia* > *Lucretia*. Греки отождествляли церитскую богиню Уни с Левкотеей, что, по мнению Холлемана, связано с происхождением имени Лукреции: лат. *luc-* = греч. *leuk-*, причем этот корень в латинском *lucumo* был связан со значением гех. Поэтому вероятно допущение, что вся история Лукреции была создана греческим автором. В исторической традиции фигурирует еще одна Лукреция – жена царя Нумы Помпилия, который, по другой версии, женился на дочери царя Тита Тация. Сопоставление двух имен супруги Нумы позволяет увидеть в одном – *Tatia* – имя богини *Tacita*, а в другом – *Lucretia* – титул «царица» (*regina* – *lauxumna*).

⁸⁶ Подробнее см.: Sordi M. *I rapporti romano-ceriti e l'origine della ciuitas sine suffragio*. Rome, 1960. P. 110–113.

участия жрицы богини в обрядах смены годового цикла, так и на традицию, распространенную в Восточном Средиземноморье⁸⁷.

Вряд ли это был сам Ливий, использовавший для этой цели сочинения антикваров с описанием ритуала, исполнявшегося *rex sacrorum*, конных состязаний и этрусского обряда Священного Брака. Теренций в комедии «Самоистязатель» (269–299) разыгрывает сцену, которая может рассматриваться как пародия на историю Лукреции, выигравшей «состязание жен». Участниками диалога в сцене являются Клитифон и Сир, сын и раб старика Хремета; им подыгрывает Клиния, сын другого старика, Менедема. Два первых выглядят пародией на сына и племянника царя Тарквиния, а третий – аналог Брута. Если проверка верности в отсутствии мужа, скромность в поведении и одежде, прядение и намеки на смерть и «отсутствие вины» обыгрывались Теренцием в середине II в. до н.э., то история Лукреции явно была знакома ему и причем в качестве принятого в обществе образца добродетели.

5. Смерть Лукреции и Юний Брут

Сцена трагического самоубийства Лукреции заканчивается появлением Юния Брута, с именем которого связано изменение (обновление) общественного строя или переход от монархии к республике. У Дионисия (IV.67.3–4) Брут не присутствовал при самоубийстве Лукреции, так же как и ее муж Коллатин. Они подошли буквально сразу после случившегося, так что начавший было действовать Валерий, бывший в доме отца Лукреции, ничего не успел предпринять. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с совмещением двух версий, героями которых были Валерий и Брут; Дионисий сначала использует версию с Валерием, а затем дополнил ее версией о Бруте, так как тот был особенно популярен у современных ему римлян. Это видно из того, что прямо здесь Дионисий излагает весь собранный им материал о Бруте (IV.68–69) и сухо пересказывает историю организации им заговора против Тарквиниев, скрепленного клятвой у тела Лукреции (IV.70–71).

Более драматическая версия этих последних сцен излагается Ливием (I.59). У него все главные действующие лица, Лукреций с Валерием и Коллатин с Брутом, были свидетелями самоубийства Лукреции. Пока остальные участники домашнего совета предавались скорби, ошеломленные ее поступком, Брут, держа пред собою вытасченный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этой чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь – и вас, боги, беру в свидетели, – что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме».

⁸⁷ Другой случай насилия в римской исторической традиции – царская дочь Рея Сильвия и бог Марс (или царь Амулий в образе бога) – также напоминает ритуал Священного Брака. Однако эта история, заимствованная Фабием Пиктором у Диокла из Пепаретоса, была смоделирована на основе мифа о Тиро и Посейдоне. Рожденные ею близнецы Нелей и Пелей стали прообразом Ромула и Рема. См.: *Trieber C. Die Romulussage // RhM. 1888. Bd. 43. S. 569–582; Forsythe G. The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition. Lanham, 1994. P. 125; Meurant A. La gémellité de Romulus et Rémus. Thème archaïque ou donnée tardive? // RPh. 1997 (1999). Vol. 71. P. 281–290; idem. L' idée de gémellité dans la légende des origines de Rome. Bruxelles, 2000.*

Затем Брут передает нож Коллатину, Лукрецию и Валерию, которые повторяют слова клятвы, что будут вести беспощадную борьбу против Тарквиниев, и, связав всех обязанностью мести, становится вождем. На эту сцену обращает внимание Эндрю Фельдхер, по мнению которого, и слова, и действия Брута позволяют интерпретировать смерть Лукреции как жертвоприношение⁸⁸. Они идентичны клятве и жертвоприношению первых консулов после изгнания Тарквиниев, описанным Дионисием (V.1.3)⁸⁹. Интерпретация смерти Лукреции как жертвоприношения создает связь между рассказом Ливия и римским ритуалом изгнания царей ежегодно исполнявшимся во время Регифугия. По мнению Фельдхера, Ливий использовал религиозные ритуалы в качестве моделей для создания сцен, подобных смерти Лукреции или Виргинии. Каждая из них описывает не реальное историческое событие, а ритуализированное представление, воспроизводящее бесконечную серию идентичных ритуалов, простирающихся в прошлое сквозь эпохи. Ритуальный царь (*rex sacrorum*), который ежегодно покидал Форум, постоянно воспроизводил изгнание Тарквиниев, по крайней мере для тех, кто знал эту историю⁹⁰.

Фигура Брута (как и Валерия), явно чужеродная в сцене трагической гибели Лукреции, служит связующим звеном между «историей двух братьев и жены одного из них» и «историей изгнания царей Тарквиниев». «Шов», связующий две эти «истории», просматривается в том обстоятельстве, что виновником гибели Лукреции был Секст Тарквиний, а главным пострадавшим – царь Тарквиний Гордый⁹¹. Смерть Брута почти сразу же после изгнания царей показывает, что с точки зрения литературного сюжета его фигура совершенно не была необходимой в этой истории. Она заслонила соперничество двух «братьев» Тарквиниев (Секста и Коллатина) – участников рассматриваемых «событий». Можно предположить, что в другой версии истории Лукреции место Брута – царского племянника, *tribunus celerum*, и наследника трона – занимал ее муж Коллатин. Возвышение Брута превратило Тарквиния Коллатина из главного героя литературной версии в анемичную и вторичную фигуру⁹². Но когда оно произошло?

Высказывалось предположение, что роль Брута получила развитие в римской исторической традиции только с конца II в. до н.э. Возможным источником его возвышения называют трагедию Л. Акция (*Accius, Attius*) «Брут»⁹³, которая оказала большое влияние на творчество Л. Кальпурния Пизона⁹⁴. Акции был связан с Децимом Брутом Каллаиком, консулом 138 г. до н.э., коллегой Сципиона Назики, который при-

⁸⁸ Feldherr A. *Spectacle and Society in Livy's History*. Berkeley, 1998. P. 194–203.

⁸⁹ *Ibid.* P. 197–198 и прим. 117.

⁹⁰ *Ibid.* P. 212.

⁹¹ Joh. Lydus. *De mens.* IV.29 пытался объяснить это обстоятельство тем, что насилие над Лукрецией совершил сам Тарквиний Гордый. Эту версию принял Ф. Шахермайер (s.v. *Tarquinius* // RE. 1932. Bd. 4 A. Sp. 2388), который, исходя из рассказа Дионисия (AR. IV.64.2–3), что Секста в Коллатию послал отец, приводит мнение Пизона об ошибке Фабия на одно поколение при расчете генеалогии Тарквиниев.

⁹² Подробнее об изменении образа Коллатина см.: Schubert W. *Op. cit.* P. 84–85, 90–91, 95–96.

⁹³ См.: Gabba E. *Il "Brutus" di Accio* // Dioniso. 1969. Vol. 43. P. 377–383.

⁹⁴ О посредничестве Кальпурния Пизона между Акцием и Ливием см.: *Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto*. P. 25–29.

нимал участие в подавлении движения Гая Гракха и его сторонников. Эти события, возможно, повлияли на образ легендарного первого консула Юния Брута как борца против тирании последнего римского царя. Это имя было известно уже Полибию (III.22.1), который называет консулами первого года республики Л. Юния Брута и М. Горация Пульвилла⁹⁵. Однако знаменитый основатель республики, которого традиция причисляет к патрициям, не оставил потомства, достойного стать высшими магистратами в течение следующих 200 лет. Отсутствие Юниев в консульских списках V – большей части IV вв. до н.э. заставляет считать первого консула фиктивной фигурой. Только с конца IV в. плебейские Юнии Бруты появляются среди магистратов – консул 316, 313, 311, начальник конницы 312, 309, цензор 307, диктатор 302 гг.⁹⁶ В свое время А.Ф. Энман показал, что консульские фасты подвергались редактированию в эпоху Гнея Флавия, то есть в конце IV в. до н.э.⁹⁷ Вполне вероятно, что именно тогда был впервые введен образ Юния Брута, на родство с которым претендовали носители этого имени, не имевшие права на патрициат, но, наряду с другими подобными им выдающимися семьями, претендовавшие на знатных предков. В этом случае Брут был столь же хорошо известен Фабию Пиктору, как и история семьи Тарквиниев, вместе с Эгерием и Коллатином (см.: Dion. Hal. AR. IV.6.1 и 64.3).

Дионисий, использовавший сочинение Фабия (вместе с Пизоном и др.) для истории Тарквиниев, возможно, излагает сцену гибели Лукреции на основе его версии – Лукреция погибает в доме отца, а Брут появляется позднее⁹⁸. В таком случае, у Фабия история Лукреции (с Коллатином и Секстом) и история Брута были самостоятельными рассказами, объединенными лишь общей темой перехода от монархии к республике.

Сам факт помещения истории Лукреции в исторический контекст тиранического правления Тарквиниев превращал ее в жертву негативно изображаемого семейства. Как показал Гельднер, в эллинистической литературе был популярен сюжет, предполагающий смерть героини в результате насилия тирана. Поэтому в контексте истории перехода от монархии к республике изменение прежнего сюжета, в котором женщина выбирала себе партнера – любовника, царя и героя (как, например, в истории Гигеса и Кандава у Геродота), было осуществлено достаточно естественно. Псевдоисторическая конструкция, описывающая этот переход, нуждалась в смерти Лукреции в качестве символической жертвы тирании Тарквиниев.

Можно принять мнение Энмана, что Юний Брут стал героем основателем республики с легкой руки Гнея Флавия в конце IV в. до н.э. К

⁹⁵ Ф. Уолбэнк отмечал, что в договоре с Карфагеном фигурировало только имя консула Горация, а Полибий добавил имя Брута, ориентируясь на традицию его собственной эпохи. *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 339.* Полибий сам не мог выдумать древнего римского персонажа, и это является свидетельством существования сведений о нем уже в III в. до н.э., то есть у Фабия Пиктора.

⁹⁶ См.: *Neumann K. L. Iunius Brutus // Strassburger Festschrift zur 46. Sammlung deutscher Philologier und Schuler. Strassburg, 1901. S. 309–332; Ranouil P.-Ch. Recherches sur le patriciat (509–366 avant J.-C.). P., 1980. P. 73.*

⁹⁷ *Enmann A. Die alteste Redaktion der römische Konsularfasten // Hettlers Zeitschrift. 1900. Vol. 1. P. 89–101. Ср.: Beloch K.J. Griechische Geschichte. B., 1904. Bd. 3.2. S. 208–209.*

⁹⁸ В версии Дионисия (Фабия?) Брут является в дом Лукреция Триципитина вместе с Коллатином, чтобы появление было обоснованным. Версия Ливия, где Брут выступает участником «семейного совета», более отвечала реалиям поздней Республики.

280–275 гг. до н.э. относится сближение Рима с этрусскими городами Тарквинии и Вульчи, и это обстоятельство выглядит удачным объяснением создания версии, выводящей римских Тарквиниев из Тарквиний⁹⁹. В IV в. до н.э. они скорее фигурировали под именем *Tarchna* и были связаны с этрусским городом Церэ. Но греческий автор, создававший историю Тарквиниев (их происхождение от коринфского Демарата представляется свидетельством того, что это был *греческий* автор), смотрел на вещи проще. Этим автором, писавшим в 270–260-х годах, мог быть Тимей из Тавромения. В контексте этого предположения символическое описание насильника – сына этрусского царя – и непорочной римлянки в качестве его жертвы кажется особенно уместным в тот исторический период, когда греческое влияние на Рим начало вытеснять этрусское (конец IV – начало III вв. до н.э.). Греческие авторы были заинтересованы представить Рим как «греческий полис», а не «этрусский город»¹⁰⁰. Поэтому даже римские цари Тарквинии получили греческое происхождение, возводящее их к коринфским Бакхиадам¹⁰¹. Это позволяло связывать урбанизацию Рима при этрусках и реформы Тарквиния Древнего (сына Демарата Бакхиада) и Сервия Туллия с греческим влиянием, тогда как «плохая» политика «тирана» Тарквиния Гордого целиком соотносилась с его этрусским происхождением (сын Танаквиль). Эта же установка, но в обобщенном, лишенном этнической окраски виде была близка и римлянам в эпоху Фабия Пиктора, у которых было живо в сознании длительное присутствие Ганнибала в Италии. Для них Лукреция символизировала оскверненную родину, а Секст Тарквиний выступал в роли чужеземного насильника.

Все же мы не знаем этой ранней подоплеку отношения героев в истории о Лукреции. Если и существовали какие-то ее литературные версии, как предполагает Джоселин Смол, то, видимо, за пределами римской историографии. Складывавшейся исторической традиции Лукреция изначально нужна была как жертва. Вполне допустимо, что прослеживающийся в версии Ливия повышенный драматизм, вносимый сюжетом «состояния жен» и присутствием Брута, был придан истории Лукреции обработкой Л. Акция¹⁰².

⁹⁹ Название города Тарквинии, видимо, восходит к имени его мифического основателя Тархона (*Tarchon* – Strabo. V.2.1). Он был общеэтрусским персонажем, так как считался основателем также Пизы (Serv. *Ad Aen.* X.179) и Мантуи (*ibid.* 198). Это имя перекликается с именами скифского предка Таргитая, славянского сказочного старца Тарха Тарховича, малоазийского Тарху. См.: *Alföldi A.* Die Struktur des voretruskischen Römerstaates. Heidelberg, 1984. S. 181–216. Гентилиций цэритских *Tarchna*, по-видимому, имеет то же происхождение. А греческий автор Проматион передавал историю царя города Альбы Тархетия, в доме которого родились Ромул и Рем (См.: *Promathion.* FGh. 817. Frag. 1 = *Plut. Rom.* 2.4). Ср.: *Plutarco. Le vite di Teseo e Romulo*, a cura di C. Ampolo e M. Manfredini. Milan, 1988. P. 272–276; *Wiseman T.P.* Remus: A Roman Myth. L., 1995. P. 57–61; *Capdeville G.* Volcanus. Recherches comparatistes sur les origines du culte de Vulcain. Rome, 1995. P. 62–67; *Meurant A.* L'idée de gemellité. P. 81–82; 161–167. Литературу также см.: *Poucet J.* Les origines de Rome. P. 58. Note. 75.

¹⁰⁰ См.: *Vanotti G.* Roma polis Hellenis, Roma polis Tyrrhenis // *MEFRA.* 1999. Vol. 111. P. 217–255.

¹⁰¹ См.: *de Cazanove O.* La chronologie des Bacchiades et celle des rois étrusques de Rome // *MEFRA.* 1988. Vol. 100. P. 615–648; *Briquel D.* Tarquins de Rome et idéologie indo-européenne (III). P. 419–450.

¹⁰² О Лукреции в претексте Акция «Брут» см.: *Varro. LL. VI.7: Inter vesperuginem et iubar dicta nox intempesta, ut in Bruto Cassii quod dicit Lucretia: "Nocte intempesta nostram*

Окровавленный нож в руках Брута и «оцепеневшие» Коллатин, Лукреций и Валерий в сцене смерти Лукреции выглядят так, будто именно Брут был ее убийцей. Ситуация выглядит заимствованной из какой-либо греческой трагедии о жертвоприношении невинной девушки ради политических целей, подобно жертвоприношению Ифигении Агамемноном. Возможно, Акций, написавший трагедию «Брут», вдохновлялся чтением греческих образцов, и поэтому он «передал» нож из рук Лукреция (обязанного совершить убийство дочери по римским обычаям) в руки Брута¹⁰³. У грека Тимея и писавшего по-гречески Фабия Пиктора самоубийство Лукреции было всего лишь развитием мотива эллинистической литературы. Но появление латиноязычной историографии во II в. до н.э., возможно, породило стремление «прочитать» греческие образцы сквозь призму исконно римских обычаев.

Но посмотрим на сцену с точки зрения «клятвы консулов», как предлагает Фельдхер. Она выглядит так, будто перед нами некий римский ритуал, в соответствии с которым жрец осуществлял жертвоприношение и давал клятву подвернуть изгнанию прежнего «царя» и никогда не позволить ему вернуться. В этой сцене, конечно, не было места для Лукреции. В историю Лукреции, эволюцию которой от литературного топоса к псевдоисторическому рассказу мы рассматриваем, сцена жертвоприношения была включена позднее. В ней были объединены два разных сюжета, требующих клятвы (в одном – мести, а в другом – верности народу). Один – это история Лукреции, а другой – это описание ритуала жертвоприношения, связанного с обновлением царских полномочий. В конечной версии «жертвоприношение» оказалось сдвинутым с 24 на 27 февраля, с Регифурия на Эквиррии, так что роль его исполнителя перешла от «священного царя» к трибуну целеров.

Сходный ритуал проявляет себя и в традиционной истории убийства Рема неким Целером (*Celer*). Являющийся здесь главным действующим лицом Целер, по общему мнению, персонифицировал должность *praepositus* или *tribunus celerum*¹⁰⁴. Согласно Помпонию, он был вторым лицом в архаическом Риме. Эту же должность занимает и Брут в момент гибели Лукреции. По другой версии, Рема убил сам Ромул. Согласно Эннию, Рем дерзко перескочил через низкую еще стену строящегося только Рима и был сразу же убит возмущенным Ромулом, который воскликнул: «Пусть никто не совершит подобного безнаказанно, и так же как ты за-

devenit domum». VII.72: *Nunc de temporibus dicam. Quod est apud Cassium: "Nocte intempesta nostram devenit domum", intempesta nox dicta ab tempestate, tempestas ab tempore; nox intempesta, quo tempore nihil agitur.* Ср.: Cic. *Pro Sest.* 123; *Att.* XVI.5.1 (DCCLXX). *Cassii* в тексте Варрона обычно читается как *Accii*, хотя Огилви (*Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 218) и сомневается в этом. См.: *Dangel J. Œuvres (fragments) de L. Accius.* P., 1995. P. 373, там же и литература по данному вопросу.

¹⁰³ Акций был также автором трагедии «Атрей», в центре которой тот же сюжет о двух братьях и жене одного из них, что и в истории римской Лукреции. См.: *Lana I. L'Atreo di Accio e la leggenda di Atreo e Tieste nel teatro tragico romano // Atti della Accademia delle Scienze* Torino. 1958/59. Vol. 43. P. 351–365; *Dangel J.* Op. cit. P. 372–373.

¹⁰⁴ О Целере см.: *Meurant A. Quelques observations sur Celer, un autre double maudit de Romulus // Hommages à Carl Deroux, ed. P. Defosse.* Bruxelles, 2003. Vol. 4. Collection Latomus 277. P. 485–494.

платит за преступление своей собственной теплой кровью»¹⁰⁵. Эти слова напоминают клятву, сопровождающую ритуал¹⁰⁶. А убийство Рема в таком случае выглядит как жертвоприношение, сопровождающее основание города. Миф об основании Рима с подвигом его главного героя и первого царя Ромула сопровождается здесь ритуалом, в котором роль жертвы играет Рем¹⁰⁷. Тот же мотив повторяется и при основании республики – первый консул Брут в качестве героя мифа основания и непорочная Лукреция в качестве жертвы. Античные авторы явно воспроизводили один и тот же образец. Ритуальные истоки этого мотива, известного уже Эннию, видимо, были глубже, чем полагает Фельдхер. Римляне, как известно, не практиковали регулярных жертвоприношений со времен основания Города. Но в Лации до эпохи Империи существовал обычай смены царя-жреца Дианы Немейской посредством его убийства, совершаемого преемником¹⁰⁸. Быть может, Энний использовал этот пример для создания легенды основания Рима, а Акции последовал его модели для легенды об основании Республики¹⁰⁹.

ALEXANDR V. KOPTEV (HELSINKI, FINNLAND)

**THE STORY OF THE VIRTUOUS LUCRETIA
IN THE CONTEXT OF LITERATURE, LAW AND RITUAL**

The author follows the popular belief that the history of Lucretia was a product of Hellenistic literature which in turn borrowed the plot from ancient mythology. The story was included in the Roman historical tradition quite early, possibly before Fabius Pictor, who borrowed it from someone of his Greek predecessors. In different stages of the formation of the historical tradition, the meaning of the story varied. Originally, it possibly was the story of two brothers, one of whom tempted the wife of another (or she seduced him). From Herodotus' narration of the Lydian king Candaules and Gyges, this plot passed to the history of the regal Rome, where the story was influenced by Roman religious rites, in particular it was included in the context of a New Year ceremony which was accompanied by the rituals of Regifugium and Equirria at the end of February.

At the beginning, the story most likely emphasized an Etruscan origin of the tyrannical king, while Lucretia personified the Latin mother-land which was desecrated by the rapist. However, the Roman annalists brought in the relationship between the heroes of the history customs and rules suit-

¹⁰⁵ Enn. *Ann.* I.1.94–95 (99–100) Skutsch: *Nec pol homo quiquam faciet impune animatus / Hoc nec tu: nam mi calido dabis sanguine poenas.* Cp.: Skutsch O. *The Annals of Q. Ennius.* Oxf., 1985. P. 240–241.

¹⁰⁶ У Ливия (I.7.3): *Sic deinde, quicumque alius transiliet moenia mea* («Так [да погибнет] всякий, кто перескочит через мои стены»).

¹⁰⁷ Сходным образом у древних египтян смерть фараона переводилась в вечную мифологическую форму: Сет убивал Озириса, а жрецы разыгрывали эту сцену как драматический спектакль. См.: Frankfort H. *Kingship and the Gods. A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature.* Chicago; London. 1978 [1948]. P. 101–104.

¹⁰⁸ См.: Bernardi A. *L'interesse di Caligola per la successione del Rex Nemorensis e l'arcaica regalità nel Lazio* // *Athenaeum.* 1953. Vol. 31. P. 273–287; Alföldi A. *Diana Nemorensis* // *AJA.* 1960. Vol. 64. P. 137–144; Pascal C.B. *Rex Nemorensis* // *Numen.* 1976. Vol. 23. P. 23–39.

¹⁰⁹ О влиянии Энния на Акции см.: Dangel J. *Op. cit.* P. 375, там же и литература.

able to the Roman family of the second and early first centuries BC. At the same time, the use of the story by Accius, the late-second-century writer of tragedies, provided the Tarquins with the features of the Atrides family and Lucretia with the features of a Roman matron. The story became a useful model for the late-Republican lawyers who discussed the problems of the family law. Under the Augustan epoch, Lucretia's chastity symbolized the ideal of the Roman matron and was considered throughout the context of the marriage legislation.